

Юй Цин не совсем поняла их шутку и с лёгким недоумением взглянула на Лэй Хунфэя.

Лун Ци, смеясь, объяснила ей:

— Хунфэй-ге раньше обожал сыпать пословицами, и любое его высказывание начиналось с «как говорится».

Юй Цин тоже рассмеялась.

Весёлый ужин подошёл к концу, и маленький Лун уже крепко спал. Юй Цин посидела немного за чаем, а затем собралась уходить.

Лун Цянь взглянул на настенные часы и мягко улыбнулся:

— Ладно, на улице холодно, и уже поздно. Хунфэй, проводи Юй Цин домой. А ты, Сяо Ци, оставайся сегодня здесь, не возвращайся. Заодно присмотри за ребёнком.

Остальные засмеялись. Лэй Хунфэй встал и с галантностью подал Юй Цин пальто.

— Спасибо, — улыбнулась она ему и вышла вместе с ним.

На улице снега не было, но стоял такой мороз, что, казалось, вода замерзала на лету. Лэй Хунфэй ехал по Пятой кольцевой дороге, свернул на восток, съехал на выезде и, оказавшись в оживлённом районе Шифоин, остановился у высотного дома.

Всю дорогу они молчали. В салоне царила такая тишина, что, казалось, был слышен лишь шелест шин, быстро рассекающих асфальт.

Остановившись, Юй Цин улыбнулась и тихо сказала:

— Спасибо.

Свет уличного фонаря падал на её лицо, и её улыбка казалась особенно прекрасной. Сердце Лэй Хунфэя на миг замерло. Он удивился собственной реакции, но, не успев как следует задуматься, поспешно ответил:

— Не стоит благодарностей. Провожать даму домой — долг любого мужчины.

Услышав его слегка патриархальный тон, Юй Цин, вопреки обыкновению, не стала парировать, а лишь мягко улыбнулась и вышла из машины.

Лэй Хунфэй подождал, пока она скроется в подъезде, убедившись, что она в безопасности, развернулся и снова выехал на Пятую кольцевую, направляясь в Олимпийскую деревню.

Глядя на мелькающие за окном огни высоток, он почувствовал внезапное смятение и острую тоску по Лин Цзыханю. Не в силах совладать с собой, он взял автомобильный телефон и набрал его домашний номер.

За последние два года он звонил бесчисленное количество раз, но всегда слышал лишь автоответчик Лин Цзыханя: «Здравствуйте, меня сейчас нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала, и я свяжусь с вами как можно скорее».

Со временем он звонил уже только ради того, чтобы услышать голос Лин Цзыханя в записи.

Обычно после трёх гудков начиналось сообщение, но на этот раз звонок длился дольше, и наконец кто-то снял трубку.

— Алло, — прозвучал усталый голос Лин Цзыханя.

Лэй Хунфэй, застигнутый врасплох, вздрогнул от волнения, и машина рванула прямо к отбойнику. Он резко затормозил и вывернул руль, чтобы вернуться на свою полосу. К счастью, из-за лютого мороза и позднего часа на дороге почти не было машин, иначе такая его выходка наверняка привела бы к массовому ДТП.

Лин Цзыхань, не услышав ответа, видимо, взглянул на определитель номера и устало спросил:

— Хунфэй, это ты?

— Да-да-да, это я! — обрадовался Лэй Хунфэй. — Цзыхань, ты вернулся?

— Угу, — ответил Лин Цзыхань без особого восторга, звучал он вяло. — Да, только приехал.

— О, вот это везение! — Лэй Хунфэй чуть не заплясал от радости. — Я сейчас в Пекине и сразу же еду к тебе.

Лин Цзыхань немного помолчал и мягко сказал:

— Хунфэй, я очень устал.

— Ничего, я просто хочу тебя увидеть, — рассмеялся Лэй Хунфэй. — Мы больше двух лет не виделись, я по тебе просто изошёлся. Цзыхань, послезавтра мне уже в часть возвращаться, ты же не будешь так жесток?

В голосе Лин Цзыханя наконец послышалась улыбка:

— Ну ладно, приезжай.

Лэй Хунфэй бросил трубку и, прибавив газу, помчался в Хуэйлунгуань.

Компьютер проверил его радужную оболочку глаза и отпечатки пальцев, после чего дверь автоматически открылась.

Он радостно вошёл внутрь и обнаружил, что Лин Цзыхань уже спит.

Густые шторы плотно застлали окна, в комнате было темно, а отопление работало на полную мощность. Лэй Хунфэй не стал его тревожить. Сначала он раздется и принял душ, и только потом приоткрыл одеяло и лёг в постель.

Лин Цзыхань, обычно чуткий, на этот раз, похоже, понял, кто пришёл, и не стал протестовать, лишь подвинулся к стене, освобождая место.

Но Лэй Хунфэй придвинулся вплотную и накрыл его своим телом.

— Хунфэй, я правда очень устал, — пробормотал Лин Цзыхань в полудрёме.

Лэй Хунфэй запустил руку под его пижаму, обнял за талию и, осыпая его поцелуями, сказал:

— Как же ты так похудел? Цзыхань, я так по тебе скучал, так скучал.

Лин Цзыхань что-то тихо промычал в ответ, не сопротивляясь и не пытаясь его остановить, просто лежал и позволял целовать и ласкать себя.

Лэй Хунфэй, охваченный страстью, уже забыл о его усталости и незаметно стянул с него одежду. В последний момент, сохраняя остатки рассудка, он потянулся к тумбочке, включил ночник, достал презерватив и смазку.

Лицо Лин Цзыханя было измученным, с острым подбородком, отчего он казался ещё более худым. Не открывая глаз, он почувствовал решимость Лэй Хунфэя и понял, что сопротивляться бесполезно. Тогда он перевернулся на живот, приняв самую нетребовательную позу.

Лэй Хунфэй, целуя его плечи и спину, тщательно всё подготовил. Они не были близки больше двух лет, и он боялся, что в порыве может причинить Лин Цзыханю боль, поэтому сдерживался.

После некоторой суеты он наконец ввёл своё пылающее желание в тело Лин Цзыханя.

Оба громко застонали.

Лэй Хунфэй, двигаясь медленно, уже чувствовал, как накатывает волна наслаждения. Он крепко обхватил тонкую талию Лин Цзыханя и начал яростно двигаться.

Лин Цзыхань, хоть и был измотан, быстро возбудился. Его тело, долгое время не знавшее близости, стало невероятно чувствительным, а мощные, сильные толчки Лэй Хунфэя, подобные ударам молота, достигали самых глубин, мгновенно разжигая в нём ответный огонь желания. Объятый пламенем страсти, он весь покрылся испариной. Сладкое оцепенение пробежало вдоль позвоночника, стремительно охватив всё тело. Он невольно напрягся и не смог сдержать крик.

Услышав его голос, Лэй Хунфэй задрожал от возбуждения, его движения стали ещё сильнее и быстрее. Он крепко сжимал тонкую талию, яростно вгоняя в него, словно пытаясь выплеснуть всю тоску, копившуюся в душе два долгих года.

Лин Цзыхань стонал:

— Хунфэй, хватит... хватит... всё, прекрати...

Лэй Хунфэй проигнорировал его слова, всем телом навалился на него сверху, крепко схватил за запястья и, продолжая мощно двигаться бёдрами, принялся завоевывать территорию с позиции полного контроля и силы.

Лин Цзыхань, придавленный его тяжёлым телом, задыхался под яростным натиском:

— Ты... деспотичный... негодяй... надо было... кастрировать тебя...

Лэй Хунфэй рассмеялся, его бёдра заработали ещё усерднее, каждый толчок достигая предельной глубины.

Лин Цзыхань закричал:

— А-а-а-ах!

Лэй Хунфэй, сжатый судорожно сжимающимся телом Лин Цзыханя, больше не мог терпеть. Сделав несколько быстрых финальных толчков, он со всей силой вдавил его в матрас и излил в

него своё горячее семя.

Два молодых тела, прильнув друг к другу, ещё долго мелко дрожали в отголосках оргазма.

Лин Цзыхань почувствовал головокружение — верный признак полного истощения сил. Он слегка досадовал на себя, но не стал роптать. Неся на себе тяжесть крепкого тела, он неожиданно быстро провалился в сон.

Лэй Хунфэй обнял его и, немного полежав так, нехотя высвободился, встал и направился в ванную.

Вернувшись, он увидел, что Лин Цзыхань даже не пошевелился — тот спал глубоким сном.

Тут Лэй Хунфэй наконец вспомнил, что тот всё время жаловался на усталость, и почувствовал угрызения совести. Он осторожно взял Лин Цзыханя на руки, отнёс в ванную, помыл, затем вернул в постель и только после этого улёгся сам, засыпая с чувством глубокого удовлетворения.

Этой ночью оба спали прекрасно. Лэй Хунфэй проснулся лишь когда за окном уже совсем рассвело.

Повернув голову, он увидел, что Лин Цзыхань всё ещё спит. Ему не хотелось его будить, но и молчать тоже было невозможно. Разрываясь между этими чувствами, он просто замер, уставившись на него.

Спустя какое-то время его горячий взгляд наконец разбудил Лин Цзыханя. Тот пошевелился и тихо спросил:

— Проснулся?

— Угу, — Лэй Хунфэй перевернулся на него, осыпая поцелуями его щёки, шею, затем спустился ниже, взял в рот его сосок и принялся нежно покусывать и посасывать.

<http://bllate.org/book/16287/1468182>